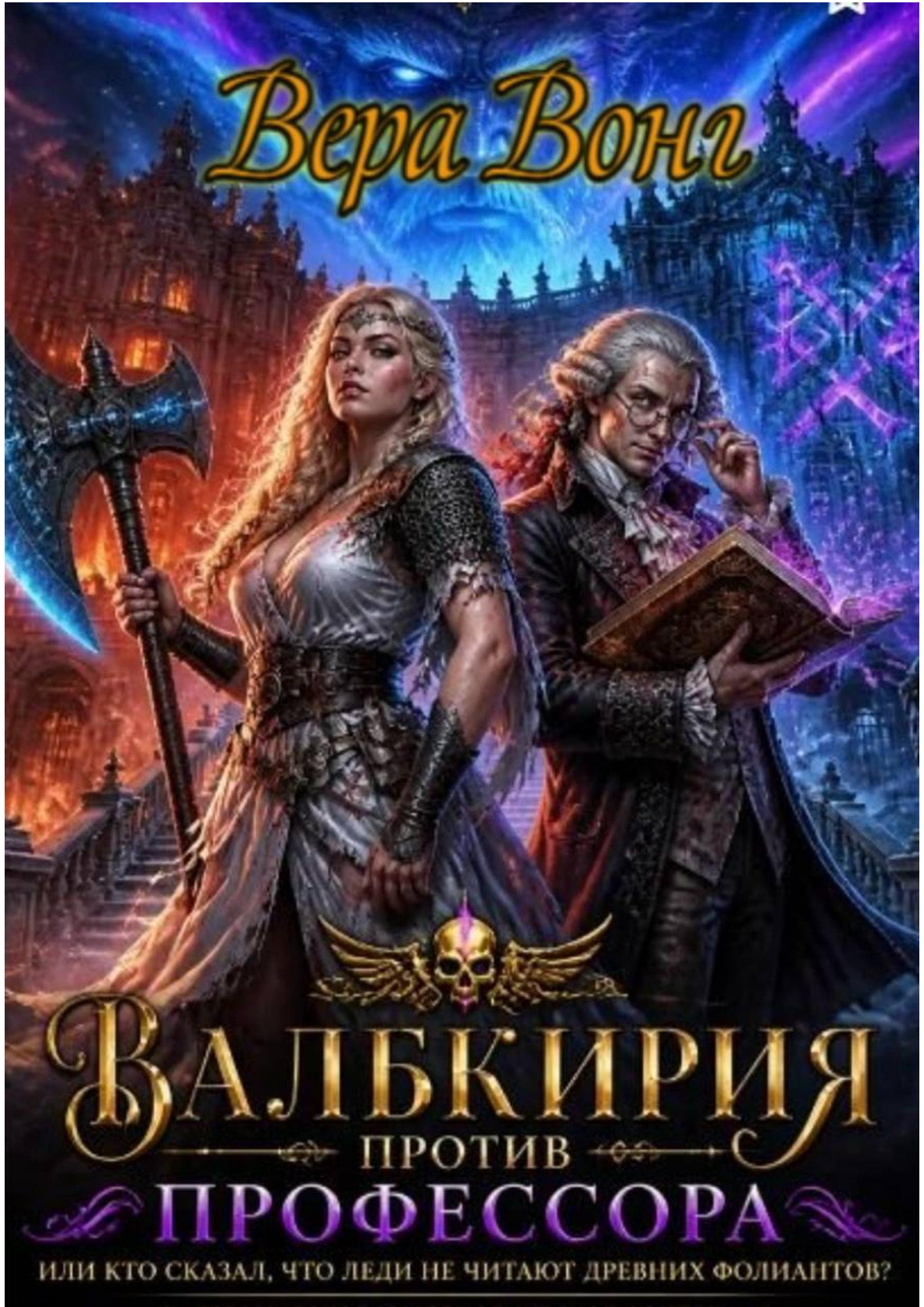

The poster features two main characters in the foreground. On the left, a woman with long blonde hair, wearing a silver and black armored dress, holds a large, ornate battle-axe. On the right, a man with grey hair and glasses, wearing a dark academic robe, holds an open book. The background is a dramatic scene of a city with gothic architecture, some buildings on fire, and a large, glowing blue eye in the sky. Purple magical energy is visible on the right side.

Вера Вонг

ВАЛБКИРИЯ
ПРОТИВ

ПРОФЕССОРА

ИЛИ КТО СКАЗАЛ, ЧТО ЛЕДИ НЕ ЧИТАЮТ ДРЕВНИХ ФОЛИАНТОВ?

Вера Вонг

Валькирия против профессора

«Автор»

2026

Вонг В.

Валькирия против профессора / В. Вонг — «Автор», 2026

Говорят, валькирии рождаются для битв, а профессора — для пыльных библиотек. Судьба решила пошутить, столкнув лбами обоих. Сигрид, последняя из рода Воителей Льда, привыкла решать проблемы сталью. Но когда отец проигрывает в кости древний божественный артефакт, ей приходится сменить секиру на кружевные панталоны и отправиться ко двору Императора шпионкой. Её прикрыtie — образ жеманной дурочки, её напарник — высокомерный профессор Элиас Вейнберг, главный эксперт по рунописи, который считает Сигрид лишь ходячей катастрофой в шелках. Однако придворные интриги оказываются мелочью перед лицом надвигающегося Апокалипсиса. Рунный Ключ украден не просто ради власти — он нужен, чтобы разбудить древнего бога Хеймдаллира, запертого под фундаментом столицы, и открыть порталы для армии вторжения.

© Вонг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смена меча на веер	5
Глава 2. Профессорская заноза	11
Глава 3. Отповедь у камина	18
Глава 4. Тайные знаки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Вонг

Валькирия против профессора

Глава 1. Смена меча на веер

Говорят, истинное падение начинается с одного неверного шага. В моем случае оно началось с кружевных панталон.

Они были цвета первого весеннего снега — ослепительно-белые, расшитые такой мелкой жемчужной нитью, что ткань казалась усыпанной инеем. И они немилосердно жали в самых неподходящих местах. Я стояла посреди отведенных мне покоев во дворце Императора Севера, задрав подол тяжелого бархатного платья до самого бедра, и пыталась втиснуть свою валькирию стать в этот издевательский лоскуток шелка.

— Талия должна быть не шире запястья благородной дамы, госпожа Сигрид, — монотонно бубнила моя новая камеристка, тощая девица по имени Агата, меряя меня взглядом, полным профессионального отвращения. — Вы слишком... широки в кости. Придется перешивать корсет прямо на вас. Иглой.

Я скрипнула зубами так, что эмаль едва не пошла трещинами. Широка в кости? Да я могу этой самой костью проломить крепостные ворота! Мои предки прорубали ледники одним ударом секиры, их плечи раздвигали сугробы высотой в человеческий рост, а легкие могли перекрыть северную бурю. Мы, Воители Льда, рождались для того, чтобы держать строй против демонов Пустоши. А теперь единственная битва, которую мне предстоит вести — это битва за право дышать после утяжки шнуровки.

— Шире дышите, госпожа, — посоветовала Агата, затягивая очередной виток китового уса. — Если вы потеряете сознание, портной возьмет дополнительную плату за обморок на дорогом паркете.

Я вдохнула. Ребра жалобно хрустнули, съезжаясь к позвоночнику. Перед глазами поплыли красные круги. Где-то там, глубоко под слоями батиста, атласа и моего уязвленного достоинства, билось сердце последней валькирии Северного Клана. Оно требовало крови. Желательно — крови идиота, который придумал женскую придворную моду.

Но кровь придется отложить. Как и секиру. Как и честь.

Все пошло кувырком три дня назад, когда мой отец, великий ярл Торбьорн, решил, что резьба по моржовому клыку — занятие слишком скучное для вечера зимнего солнцестояния. Он спустился в таверну «Пьяный медведь», где как раз остановился проездом имперский посол со свитой. Посол привез с собой странную игру, о которой шептал весь Север — костяные кубики с черными точками. Нарды, кажется. Или кости. Суть одна: звенит стаканчик, вылетают деревяшки, чья-то судьба меняется навсегда.

Отец проиграл все. Сначала стадо овцебыков. Потом наш драккар, выдолбленный из цельного ствола тысячелетней лиственницы. Затем земли вокруг фьорда Туманной Челюсти.

Когда он поставил на кон нашу родовую усадьбу, мама просто вышла из-за стола, молча взяла его любимый боевой рог и утопила его в выгребной яме. Это должно было отрезвить старика. Но азарт — самый темный из богов, ему плевать на бытовые проклятия жен.

И тогда отец достал Рунный Ключ.

Он висел на груди нашего рода со времен Исхода Богов. Длинная платиновая цепь, на которой покачивался кристалл чистейшего горного льда, внутри которого застыл пульсирующий золотой свет. Дар Хеймдаллира, стража радужного моста. Легенда гласила, что Ключ способен заморозить само время или вскипятить океан, если направить его гнев правильно. Отец использовал его, чтобы растапливать снег перед крыльцом зимой. Практичный был мужчина.

— Ставлю вот эту стекляшку, — пьяно икнул отец, бросая артефакт на стол между картами и объедками гуся.

Посол побледнел. Его охранники-легионеры положили руки на рукояти гладиусов. Даже трактирщик перестал протирать кружки.

— Ярл, эта вещь принадлежит пантеону Света, — пролепетал посол. — За ее кражу Империя выжжет ваши земли дотла вместе с вами.

— Никто ничего не крадет, мы играем, — обиделся отец. — Кидай давай, сухопутная крыса. У тебя выпало одиннадцать. Мой ход.

Кости стукнули трижды. На каждой грани черной смолой проступило двенадцать.

С тех пор прошло трое суток. Три дня бесконечных слез матери (которые она прятала, потому что плакать жене проигравшегося ярла — значит усомниться в мудрости мужа), трех бессонных ночей моих младших братьев, которые уже делили мои старые тренировочные мечи, и одной долгой аудиенции у Императорского Советника.

Советник оказался человеком неприятным. Сухим, желчным, пахнущим старыми пергаменами и формалином. Он выслушал мою сбивчивую речь о чести, долге и праве мести, почесал подбородок и вынес вердикт:

— Ваша семейная традиция размахивать заточенным железом вредит дипломатическим отношениям. Император милостиво согласен забыть о долге вашего отца в обмен на услугу. Ваш младший брат останется заложником в столице. А вы...

— Я вырву ему глотку голыми руками, — пообещала я, имея в виду советника. — Прямо здесь. Кровь забрызгает ваш замечательный гобелен с охотой на единорогов.

— Не сомневаюсь, — кивнул тот, даже не дрогнув. — Именно поэтому вы отправитесь ко двору. Фрейлиной Ее Величества. Будете шпионить. Нам нужно знать, кому императрица пишет письма своими новыми духами. Говорят, запах меняется в зависимости от содержания депеш.

Так карьера разрушительницы твердынь закончилась, толком не начавшись. Меня обрядили в платье весом с добрую кольчугу, выкрасили лицо белой пудрой, отчего я стала похожа на свежевыкопанный труп с лихорадочным румянцем, и отправили в Золотой Дворец.

И вот я стою, туго спеленатая, словно гусеница перед окукливанием, и пытаюсь научиться пользоваться веером.

Веер лежал на туалетном столике. Изящная вещица из слоновой кости и черного кружева. Инструмент пытки и тайной переписки.

— Два быстрых взмаха означают «Мне дурно, принесите воды», — учила Агата. — Один медленный — «Этот господин смотрит на меня слишком дерзко». Резкое складывание — «Уберите от меня этого посла, от него пахнет чесноком и государственной изменой».

— А если я хочу снести им голову? — уточнила я, взвешивая веер в руке. Баланс был отвратительным. Ни веса, ни инерции. Разве что глаза выколоть.

— Для этого существует специальный язык веера, принятый среди южных наемников, — невозмутимо ответила камеристка. — Три удара по носу открытым веером — вызов на дуэль. Но поскольку дуэли дамам запрещены указом тысяча двести пятого года, вместо вызова вам полагается упасть в обморок. Тренируйтесь падать изящно. Спина прямая, колени вместе, юбка прикрывает щиколотки. Нет, не так! Вы рухнули, как мешок с брюквой! Валькирия из вас паршивая, скажу я вам.

Я зарычала. Низко, горлом, так, что пламя свечей испуганно дернулось. Агата лишь неодобрительно поджала губы.

Первый выход в свет состоялся вечером. Малый прием в Зеркальной галерее. Императрица Изольда, женщина с лицом фарфоровой куклы и взглядом голодной гадюки, восседала на троне. Вокруг нее роились тени в шелках — другие фрейлины.

Меня представили.

— Баронесса Сигрид из Холодного Перешейка, — объявил герольд. — Новая звезда нашего двора.

Я сделала реверанс. То есть попыталась. Мое тело, привыкшее встречать врага стоя на широко расставленных ногах, слегка присело, завалилось набок, запуталось в юбке, и я чудом не пропахала носом наборный паркет. Спасло только то, что я успела сгруппироваться и приземлилась на одно колено, шумно выдохнув. Со стороны это выглядело, наверное, как приступ эпилепсии у лебедя.

По галерее прошел сдержанный смешок.

Императрица чуть заметно приподняла бровь.

Я поднялась, улыбнулась самой сладкой улыбкой, на которую была способна, и захлопала ресницами. Ресницы тоже оказались чужими — тяжелыми, приклеенными чем-то вроде древесной смолы. Левый глаз начало отчаянно щипать.

— Ва-а-аше Величество, — протянула я голосом, который сама себя считала ангельским, но окружающим он наверняка напомнил скрежет ножа по сковороде. — Какой чудесный... потолок. Очень высокий. Наверное, трудно мыть люстры?

Повисла тишина. Та самая, особая дворцовая тишина, которая обычно предшествует либо назначению новой фаворитки, либо тихому исчезновению старой в водах залива.

Первая фрейлина, графиня фон Штейн, худая как жердь дама лет пятидесяти, чей рот напоминал тонкую красную нитку, шагнула вперед. Она смотрела на меня так, как повар смотрит на таракана, обнаруженного в королевском суфле.

— Потолок расписывал маэстро Беллини, милая, — прошипела она. — Своими последними красками, прежде чем ослеп от усердия. А люстры моют маленькие слепые эльфы с серебряными лесенками. Вы разве не читали дворцовый устав?

— Я больше люблю саги, — ляпнула я. — Там много про кишки врагов на копьях. Очень познавательно насчет анатомии.

Графиня фон Штейн позеленела. Моя первая промашка оказалась размером с хороший валун.

Вторая случилась через десять минут, когда нам подали охлажденное вино в хрустальных бокалах. Жажда после дневной утяжки была невыносимой. Я схватила свой бокал двумя руками, откинула голову назад и осушила его тремя гулками глотками, запрокинув так, что императорская тиара опасно накренилась.

Вино было кислым. И холодным. И в нем плавало что-то подозрительно похожее на золотую пыльцу.

Мое нутро, закаленное с детства смесью козьего молока, рыбьего жира и иногда — разбавленного спирта для храбрости, приняло удар стойко. А вот желудок, сдавленный новым корсетом, взбунтовался.

Я икнула. Тихонько. Почти прилично.

Но золотая пыльца явно обладала магическими свойствами. Потому что следом за икотой пришло тепло. Оно поднялось от живота к горлу, ударило в нос и... вышло наружу самым непотребным образом. Из моих ушей повалил густой, плотный, сизый дым. Тот самый дым, которым мой дед любил окуривать свои боевые сапоги, чтобы кожа не трескалась на морозе.

Дым имел легкий аромат жженных тряпок и болотного газа.

Галерея замерла вторично. Даже музыканты перестали пилить струны своих лютень.

Императрица медленно повернула голову. Ее идеальные фарфоровые скулы не дрогнули.

— Баронесса, — произнесла она своим мелодичным, ядовитым голосом. — Кажется, ваша родословная решила напомнить о себе весьма... атмосферным способом. Надеюсь, следующим вашим фокусом будет не призыв стаи полярных волков?

Я поняла, что если сейчас же не исправлю положение, меня закатают в этот самый паркет. Буквально. Вызовут придворного некроманта, и он превратит мои останки в элемент узора.

Нужно было играть роль. До конца. Жеманная дура. Кокетка. Пустышка.

Я прижала ладони к дымящимся ушам, округлила глаза и громко, совершенно не аристократично взвизгнула:

— Ах! Ваше Величество! Эти новые восточные благовония такие крепкие! У меня от них всегда случается меланхолия! Графиня, посмотрите, мои серьги... они же совсем потускнели от влажности! О боже, кажется, у меня лопнула талия!

Я картинно схватилась за бока, хотя талия держалась исключительно на честном слове мастера-корсетника и моей звериной ненависти к этому миру. Я начала оседать на пол, намеренно игнорируя все правила грациозного падения, которым учила меня Агата. Я упала тяжело, по-мужски, подмяв под себя край собственной юбки, и осталась лежать, блаженно распластавшись. Корсет наконец-то немного ослаб — видимо, пара косточек все-таки треснула от натуги.

Надо мной тут же склонились. Запах дорогих духов сменился запахом нюхательной соли. Кто-то истерично визжал. Фон Штейн шипела, что таких, как я, нельзя пускать дальше псарни.

А я сквозь полуопущенные веки смотрела на мраморные плиты пола. Они были прохладными. Идеальное место, чтобы переждать бурю.

Это была моя первая победа. Победа над собственным достоинством. Оказывается, притворяться клиническим идиотом гораздо сложнее, чем рубить головы. При глупости нет четких правил, кроме одного: никогда не показывай, что ты умнее, чем кажешься.

Когда меня привели в чувство и под сочувственные (насквозь фальшивые) вздохи увели из галереи, я впервые за день позволила себе нормально вдохнуть полной грудью. Боль в ребрах была восхитительной. Настоящей.

Шпионка из меня пока получалась никудышная. От меня пахло гарью, вином и унижением. Мое платье было помято, как поле битвы. Одна туфля с пряжкой в виде бабочки безнадежно потерялась где-то под банкетным столом.

Но зато никто не заметил татуировку ворона, бегущую по моему предплечью. Никто не обратил внимания на то, как идеально ровно лежит мой кинжал, спрятанный в складках турнюра. И главное — никто не понял, что дым из ушей был не следствием дешевого вина, а старым отцовским трюком. Маленькая бытовая иллюзия, привязанная к первому сильному спазму желудка. Дед научил меня ей, когда я случайно проглотила пчелу в возрасте пяти лет.

Я доковыляла до своих покоев, сбросила каменную статую камеристки Агаты со стула («Вы опять сидите как мужлан, госпожа!» — возмутилась она, перелетая через комнату) и рухлась на кровать прямо в грязном платье.

Завтра мне снова идти на прием. Учиться отличать менуэт от гавота. Обмахиваться веером так, чтобы не вызывать подозрений в подготовке убийства. Улыбаться мужчинам, чьи лица похожи на плохо выделанную кожу.

Где-то там, в холодной детской комнате Зимнего Замка, спит мой брат Свен, сжимая в кулаке деревянную игрушку. Он жив только потому, что я согласилась носить эти чертовы панталоны.

Рунный Ключ остался у имперского посла. Древний дар Хеймдаллира, скорее всего, пылится в сундуке рядом с запасными подтяжками.

Ничего. Ключи имеют свойство теряться. А те, кто их находит, часто режут пальцы о скрытые лезвия.

Я закрыла глаза. Завтра новый день. Нужно еще успеть незаметно подпилить каблуки графине фон Штейн. Пусть попробует пройти в них по Зеркальной галерее. Посмотрим, насколько высоко ее происхождение поможет ей удержать равновесие, когда левая пятка решит жить своей жизнью.

Героическое фэнтези требует подвигов. Что ж, сегодня мой подвиг заключался в том, что я не убила никого из присутствующих. Учитывая обстоятельства — вполне достойное начало карьеры Темной Госпожи. Главное, чтобы завтра уши снова не задымили. Надо будет уточнить у Агаты состав придворных десертов. Пирожные с блошиной пылью определенно не подходят для юной леди.

Глава 2. Профессорская заноза

Если вы когда-нибудь захотите узнать, каково это — быть куском сырого мяса в лавке очень брезгливого мясника, рекомендую провести утро в библиотеке Императорского дворца.

Здесь пахло не книгами. Настоящие книги имеют запах — терпкий дух старой кожи, пыльного пергамента и чернил на сосновой смоле. Здесь же пахло исключительно профессором Элиасом Вейнбергом. Запах этот представлял собой сложную смесь жженой канифоли, застарелого пота, дешевого цветочного одеколona, которым он пытался скрыть первый компонент, и невыразимого интеллектуального снобизма. Снобизм имел легкий привкус плесени.

Я стояла посреди главного читального зала, стиснув зубы так, что заныли челюсти, и пыталась дышать через раз. Корсет после вчерашнего фиаска с дымом из ушей перешли заново, вставив внутрь дополнительные стальные пластины. Теперь мои внутренние органы были упакованы надежнее, чем государственные архивы. Каждый вдох отдавался тупой болью под левой лопаткой. Платье цвета увядшей сирени весило больше моей старой кольчуги из-за бесконечных нижних юбок, кринолина и бисерной вышивки.

— Вы капаете воском на инкунабулу пятнадцатого века, баронесса, — раздался голос, похожий на скрежет ржавого напильника по стеклу.

Я вздрогнула. Свеча в моем тяжелом серебряном подсвечнике действительно наклонилась, и горячая слезинка упала прямо на край фолианта. К счастью, воск угодил на массивную дубовую обложку, украшенную бронзовыми накладками. Древесина даже не задымилась. Зато вспыхнул мой правый глаз.

— Прошу прощения, господин профессор, — пропела я тем самым голосом фарфоровой пастушки, от которого у меня самой начинался зуд в коренных зубах. — Я просто... восхищаюсь гравюрой. Какая тонкая работа! Это ведь руническая вязь? Она кажется такой... выпуклой.

Элиас Вейнберг шагнул из полумрака стеллажей в круг света моей свечи. Он был высок, тощ и сутул, словно при рождении его повесили на гвоздь сушиться, да так и забыли снять. На его длинном породистом носу сидело пенсне на черной шелковой ленте. Стекла пенсне имели легкий желтоватый оттенок — говорят, они были зачарованы фильтровать ложь, но судя по тому, сколько лжи ежедневно лилось при дворе, чары давно выдохлись или работали наоборот.

Профессор смерил меня взглядом, каким энтомолог смотрит на редкую, но крайне неприятную разновидность древесного клопа, обнаруженную в своей утренней овсянке.

— Гравюра, — процедил он, снимая перчатку и брезгливо касаясь капли воска кончиком пальца. Палец был желтым от никотина и чернил. — Баронесса, если бы ваши глаза обладали способностью фокусироваться на объектах ближе трех ярдов, вы бы увидели, что это «Молотобоец, поражающий гидру», поздний имперский примитивизм. А выпуклость объясняется тем, что предыдущий читатель — герцог фон Моргенштерн — использовал эту книгу для тренировки удара двуручным молотом. Видите трещину? Она проходит ровно по позвоночнику гидры. Очень символично, учитывая анатомию автора.

Он говорил без умолку. Этот человек буквально исторгал слова, как больной лихорадкой исторгает жар. Казалось, тишина физически ранила его гортань.

— Ее Величество распорядилась, чтобы вы помогли мне систематизировать архив северного крыла, — продолжил Элиас, доставая из рукава огромный клетчатый платок и тщательно протирая место преступления. — Поскольку ваша предыдущая должность при дворе предполагала лишь украшение интерьера своим нелепым обмороком, полагаю, алфавит станет для вас достаточным интеллектуальным вызовом. Начнем с литеры «А». Это такая загогулина, напоминающая виселицу. Видите ее?

Он ткнул пальцем в раскрытую страницу. Там красовалась великолепная заставка: воин в рогатом шлеме попирает ногой поверженного змея. Буква «А» была вплетена в узор кольчуги воина.

— Вижу прекрасного мужчину с отличным разворотом плеч, — честно ответила я, наклоняясь ниже. Мой нос оказался в опасной близости от страницы. — И вижу кровь на лезвии его секиры. А еще вижу, что бумага здесь гораздо толще, чем на других страницах. Почти как прессованная кожа.

Уголок рта профессора дернулся. Впервые за наше знакомство в его глазах мелькнуло нечто отличное от вселенской скуки. Это было раздражение.

— Это велень, баронесса. Телячья кожа высшего сорта. То, что вы приняли за «разворот плеч», является типичным примером готического маньеризма школы Магдебурга. А утолщение бумаги вызвано тем, что между этими листами хранится оригинал Договора о Присоединении Северных Земель. Весьма скучный документ, сплошные цифры налоговых поборов. Если вы планируете спрятать там любовную записку от гвардейца, предупреждаю сразу: стража библиотеки реагирует на несанкционированное вскрытие печатей быстрее, чем вы успеете сказать «Ой».

Он забрал у меня свечу и поставил ее на свой стол. Мои пальцы, привыкшие к рукояти тяжелого боевого топора, непривычно легко сжимали тонкий ствол резного дерева. Я чувствовала себя медведем, которому дали держать хрустальный бокал.

— Итак, ваше первое задание, — Элиас извлек из стопки на столе пожелтевший свиток, перевязанный бечевкой с сургучной печатью. Печать выглядела древней, покрытой сетью мелких трещин. — Империя расширяется. Южные провинции бунтуют. Нам нужно знать, какие старые боги шепчут им на ухо. Ваша задача — перебрать эти свитки. Все, что написано на Старой Рунике, откладывать вправо. Все, что на современном имперском канцелярите — влево. Если найдете рисунки голых женщин — несите мне лично. Исключительно в целях лингвистического анализа пиктограмм плодородия, разумеется.

Он сунул мне в руки стопку высотой до подбородка. Я пошатнулась. Вес знаний оказался удручающим.

— Почему этим занимается главный эксперт по старо-языческой рунописи? — рискнула спросить я, перехватывая стопку поудобнее (то есть прижимая к груди, как младенца). — Разве нет писцов?

— Писцы умеют писать, — отрезал профессор. — Читать смыслы умеет только тот, кто понимает душу языка. А душа старого язычества, баронесса, кровожадна, хаотична и воняет мокрым мехом. Вам должно быть близко. Свободны. И постарайтесь не использовать древние манускрипты в качестве веера, вам все равно идет дурная слава.

Следующие четыре часа стали самыми унижительными в моей жизни, если не считать примерку тех самых кружевных панталон.

Я сидела за низким столом в дальнем углу зала. Спина ныла, ноги в атласных туфельках затекли, а мозг плавился. Старая Руника коварна. Она похожа на паутину, сплетенную пьяным пауком-шизофреником. Один и тот же завиток мог означать «честь», «плотский грех» или «рецепт маринованной селедки» в зависимости от наклона пера и фазы луны, в которую автор ел ужин.

Большинство свитков оказались именно рецептами. Или счетами за дрова. Я методично перекладывала их в левую стопку.

В правую, «опасную», пока попал всего один текст. На нем была багровая печать Дома Воителей Льда. Моя семья. Языческий диалект Северного Кряжа. Сердце пропустило удар. Я осторожно развернула плотный пергамент.

«Счет за поставку моржового жира для смазки ворот Зимнего Замка. Сумма: пять мер серебра. Задолженность: два года. Оплатить до зимнего солнцестояния, иначе ворота промерзнут и мы не сможем выпустить скот».

Я со вздохом бросила его влево. Семейные тайны таяли на глазах. Похоже, единственное, чем наши предки могли угрожать Империи — это неоплаченными долгами перед поставщиками морепродуктов.

К вечеру гора свитков почти не уменьшилась. Пыль въелась в мою пудру, превратив лицо в маску серого цвета. Язык распух от жажды. Где-то над головой Элиас раздраженно хлопал ящичками своего стола, периодически издавая звуки, похожие на кашель умирающего филина. Видимо, южные провинции тоже писали в основном про долги и погоду.

И тут я нашла Его.

Свиток лежал на самом дне последней коробки. Он был тяжелым, обернутым в черный шелк, который охлаждал пальцы даже сквозь ткань моих перчаток. Шелк был прошит тонкой серебряной нитью, складывающейся в охранный контур. Такие контуры ставят либо на хранилища королевских регалий, либо на гробы особо беспокойных личностей.

Я оглянулась на профессора. Он сидел спиной ко мне, сгорбившись над какой-то диаграммой, и тихо ругался на мертвом языке демонов Бездны. Судя по всему, диаграмма сопротивлялась.

Руки действовали сами. Опыт пальцев, годами натягивающих тетиву лука и чистивших зубрины на клинке, сработал лучше головы. Одно движение — и бечевка соскользнула, не повредив узел. Второе — и сургучная печать оказалась у меня на ладони. Обычный пчелиный воск, никакой магии. Только внутри воска, в самой сердцевине, застыл крошечный черный

кристалл. Глаз ворона. Подслушивающая бусина. Кто-то очень хотел знать, прочтет ли адресат этот свиток.

Я незаметно раздавила кристалл ногтем. Тот рассыпался в черную пыль.

Развернула шелк. Пергамент внутри был гладким, как стекло, и холодным, как январский лед. Чернила светились едва заметным фиолетовым светом. Текст был коротким. Всего три строчки. Но написаны они были безупречной Старой Руникой высокого стиля. Таким стилем пользовались только верховные шаманы перед тем, как призвать землетрясение.

Я знала этот язык. Любой Воитель Льда впитывает его с молоком матери. Это был язык силы. Язык крови.

«Тому, чьи кости помнят мороз Первотворения.

Шепот Хеймдаллира спит в металле ключа.

Но чесотка сомнений выгрызет твою волю изнутри прежде, чем ты сделаешь первый шаг. Каждую полночь твои лопатки будут гореть огнем стыда, а кожа покроется гнойниками трусости, пока ты не вернешь Рунный Ключ законному владельцу».

Проклятие. Личное. Адресованное мне. И составленное мастером.

Первая реакция валькирии — гнев. Чистая, красная пелена перед глазами. Кто-то посмел рыться в вещах императорской библиотеки, узнал мое прошлое и решил ударить в самое больное место. Потеря Ключа — наш позор.

Вторая реакция — анализ.

Зачем проклинать того, кто уже проиграл? Отцу плевать на чесотку, он найдет ее в любой придорожной таверне вместе с компанией собутыльников. Зачем тратить дорогушие светящиеся чернила и ставить охранный шелк на обычную насмешку? Двор кишит шутниками, но ни один из них не знает Старой Руники настолько хорошо, чтобы соблюсти стихотворный размер гальхёп.

Я снова посмотрела на спину профессора. Он тяжело вздохнул, снял пенсне и начал массировать переносицу большим и указательным пальцами. Движение было быстрым, нервным и совершенно не соответствующим образу ленивого кабинетного червя. Когда он думал, что его никто не видит, вся его фигура менялась. Сутулость становилась жестче, осанка — прямее. Желтоватое лицо в тени стеллажей казалось высеченным из камня.

И тут меня осенило. Холодно, четко, как удар секирой по льду.

Никто не знал Старую Рунику высокого стиля при дворе. Кроме одного человека. Главного эксперта по старо-языческой рунописи.

Это была ловушка. Но не та, о которой подумал Элиас.

Он хотел посмотреть, как жеманная дура-баронесса прочитает текст, схватится за голову, начнет визжать и чесаться, размазывая пудру и позоря свое имя окончательно. Классическая проверка на интеллект. Высокомерие всегда ищет подтверждения собственного превосходства.

Я аккуратно свернула свиток обратно в черный шелк. Связала бечевкой точно такими же узлами. Положила сверху раздавленный воск с пылью черного кристалла. И придавила всю конструкцию тяжелой мраморной чернильницей в форме жабы, стоявшей на столе.

Затем я взяла первый попавшийся свиток из правой стопки. Это оказался трактат о разведении мохноногих козлов в условиях повышенной влажности. Буквы прыгали перед глазами. Голова гудела. Тупая боль под лопаткой сменилась острым спазмом — корсет явно сдвинул печень куда-то в район колена.

Я встала. Ноги отозвались тысячей иголок.
Подошла к столу профессора.

Элиас поднял голову. Увидел меня, мнущуюся с несчастным видом, и его лицо исказилось мученической гримасой.

— Что еще, баронесса? Вы нашли букву «Б»? Поздравляю. Не стойте над душой, у вас слишком громко скрипят суставы, это нарушает вибрацию астрального поля моего кабинета.

— Господин профессор, — пролепетала я, глядя на него снизу вверх широко раскрытыми, испуганными глазами. Ресницы-колодки отчаянно щипало, поэтому слезы выступили сами собой — две крупные, идеально круглые капли, скатившиеся по толстому слою белил. — Я... я старалась. Правда. Но буквы... они такие маленькие. И черные. Они сливаются. У меня начинает болеть вот здесь...

Я картинно прижала руку к виску, чуть не сбив локтем свою свечу.

— Мигрень? — брезгливо уточнил он.

— Проклятие рода, — жалобно выдавила я. — Матушка говорила, от чтения древних текстов у меня всегда начинается истерика и желание грызть мебель. Можно... можно я отнесу эту страшную стопку назад в коробку? Мне дурно от одного вида этого... э-э-э... веления.

Я сделала вид, что сейчас упаду. Колени подогнулись. Элиас страдальчески закатил глаза к потолку.

— Великий Хеймдаллир, дай мне терпения, — пробормотал он себе под нос. Затем встал, обошел стол и навис надо мной. Даже в тусклом свете свечей было видно, какая у него нездоровая, землистая кожа. — Вы абсолютно безнадежны. Вы — пустоцвет, Сигрид. Дорогая, красивая, аристократичная оболочка, внутри которой гуляет ветер и поскрипывают заржавевшие шестеренки. Оставьте свои труды. Просто сложите все в сундук. Мы закроем его на замок, ключ выбросим в ров, а завтра я найду двух слепых послушников из храма Тихих Знаний. По крайней мере, от них не пахнет жженым сахаром и глупостью.

Он взял у меня из рук свиток с проклятием. Провел над ним ладонью, сканируя остаточный магический фон. Его губы тронула легкая, удовлетворенная усмешка. Эксперимент удался. Объект показал полную клиническую картину идиотизма.

— Идите спать, баронесса, — бросил он, возвращаясь к своему столу. — И выпейте настойку пустырника. Хотя сомневаюсь, что она поможет против отсутствия мозгов. Спокойной ночи.

Я присела в глубоком реверансе, пряча улыбку.
Спокойной ночи, профессор. Приятных снов о мертвых языках.

Выходила из библиотеки я на ватных ногах, цепляясь за стену. Но слабость была фальшивой. Внутри меня разгорался холодный огонь Севера.

Элиас Вейнберг не просто высокомерный книжный червь. Человек, написавший такое изящное, психологически точное проклятие, знает цену силе. Люди власти пишат коротко и грязно. Ученые пишат витиевато и сухо. Так пишет тот, кто сам стоял на грани призыва первобытного ужаса.

Монокль, согнутая спина, жалобы на мигрень и запах дешевого одеколona. Идеальная маска. Слишком идеальная для обычного профессора. Чтобы поддерживать такую иллюзию годами, нужна дисциплина похлеще, чем у легионера первой штурмовой центурии.

Кто ты, Элиас Вейнберг? Почему лучший знаток языческих проклятий служит нянькой при вздорной императрице? И зачем тебе понадобилось проверять меня на прочность? Ты боишься, что я пришла за Ключом? Или ты хочешь, чтобы я думала, что ты меня проверяешь, скрывая истинную цель?

Моя спальня встретила меня темнотой и храпом Агаты. Камеристка спала в соседней комнате, вооруженная сонным порошком и колокольчиком.

Я бесшумно закрыла дверь на засов. Подошла к окну. Луна висела над дворцом — огромная, белая, похожая на выбитый глаз великана.

Я достала из складок платья свиток. Развернула его на туалетном столике. Свет луны упал на фиолетовые строки.

«Чесотка сомнений выгрызет твою волю изнутри...»

Я хмыкала. Сомнения — это роскошь, которую могут позволить себе живые. А я сегодня умерла дважды: сначала надев корсет, потом разыграв сцену с мигренью.

Завтра профессор ждет, что я буду прятать глаза и избегать библиотеки. Возможно, стоит его удивить. Например, явиться туда с утра пораньше. Спросить что-нибудь невероятно сложное. Например, почему в диалекте Южного Побережья глагол «убивать» пишется теми же рунами, что и глагол «любить», и отличается только наклоном средней черты?

Пусть почешет свой ученый затылок. Пусть подумает, откуда дочь проигравшегося в кости ярла, которая вчера дышала огнем и падала лицом в паркет, знает нюансы южной грамматики.

Война изменилась. Поле битвы теперь — не заледенелый фьорд, а полированный паркет Зеркальной галереи. Оружие — не сталь, а знание.

И моим первым трофеем будет монокль профессора Вейнберга. Желательно — снятый с его остывающего тела, но для начала сойдет и просто разбитый в порыве праведного академического спора.

Я убрала свиток за корсаж. Холод древнего пергамента приятно студил кожу.

Спи сладко, профессор. Завтра твой учебный план пополнится новой дисциплиной: выживание среди северных варваров, притворяющихся ветошью. Готовься к передаче.

Глава 3. Отповедь у камина

Проклятия — вещь крайне субъективная, почти как вкус в музыке или выбор любовников при дворе. То, что для одного является мучительной агонией с гнойниками и зудом до кости, для другого оборачивается самым приятным вечером за последние полгода.

Чесотка сомнений действительно пришла к нам ночью. Но постучалась она не в мою дверь.

Я проснулась от звука, который ни с чем не перепутаешь: влажного, тяжелого скрежета ногтей по шелку. Агата спала на кушетке в моей гардеробной, выводя носом рулады такой мощи, что пламя свечей в канделябрах испуганно вздрагивало. Звук доносился из-за соседней стены — из покоев профессора Вейнберга.

Сначала я подумала, что это крысы. Во дворце их было много, откормленных, наглых, размером с небольшую собаку. Затем раздался стон. Низкий, вибрирующий звук, полный такого концентрированного страдания, что моя собственная левая лопатка сочувственно заняла.

Любопытство валькирии страшнее ее гнева. Я накинула тяжелый бархатный халат прямо поверх ночной рубашки (благо, корсетов во сне никто не требует), сунула ноги в домашние туфли без каблуков и выскользнула в коридор. Стража дремала, прислонив алебарды к стенам. Золотой Дворец жил своей ленивой, маслянистой ночной жизнью.

Дверь в апартаменты Элиаса была приоткрыта. Из щели тянуло холодом зимнего ветра и запахом озона, какой бывает перед грозой. А еще пахло аптекой.

Я заглянула внутрь.

Профессор стоял посреди гостиной на коленях. Его безупречный парик съехал набок, обнажив обширную лысину, покрытую бисеринками пота. Халат из дорогого китайского шелка был распахнут. И то, что находилось под ним, заставило меня забыть о дипломатии.

Кожа Элиаса Вейнберга, обычно бледная и нездорово-желтая, сейчас напоминала карту военных действий. Она пошла багровыми пятнами, которые сливались в единый воспаленный панцирь. Профессор извивался, пытаясь дотянуться обеими руками до собственной спины, но суставы его пальцев были узловатыми и короткими — достать до середины хребта он никак не мог. Он царапал себя длинными обломанными ногтями, оставляя на плоти глубокие борозды, из которых сочилась сукровица, светящаяся в темноте тусклым фиолетовым светом — тем самым цветом чернил со свитка.

— Демоны Бездны! — хрипел он сквозь стиснутые зубы. — Да чтоб тебя Хеймдаллир взял... Гнойники трусости? Серьезно?! Какая пошлость! Это же метафора экзистенциального страха!

Он ударил кулаком по персидскому ковру. Кольцо-печатка с гербом Академии Наук жалобно звякнуло о паркет.

Магия проклятий работает буквально. Если ты пишешь «гнойники», они появятся. Если пишешь «чесется так, будто муравьи выгрызают позвоночник» — готовься чесаться до мяса. Высокомерие автора сыграло с ним злую шутку: он вложил в текст слишком много поэтической образности, забыв, что древняя магия лишена чувства юмора.

Мне следовало уйти. Насладиться триумфом врага издалека, выпить горячего вина с медом и лечь спать. Месть свершилась сама собой. Ключ искать стало проще — теперь хранитель архива будет занят мазиями, а не расшифровкой моих взглядов.

Но тут профессор сделал нечто неожиданное. Вместо того чтобы позвать личного лекаря или попытаться снять чары контрзаклятием (которое явно вертелось у него на языке вместе с ругательствами), он пополз к секретеру. Движения его были дергаными, ломаными, как у марионетки с порванными нитями. Добравшись до стола, он выхватил чистый лист пергамента, окунул самописку в чернильницу и принялся писать левой рукой, продолжая правой скрести поясницу.

Он переводил. Прямо сейчас, стоя на четвереньках посреди разоренной гостиной, этот высокомерный индюк пытался доказать бумаге, что автор свитка ошибся в склонениях.

«Руна "Ит" в контексте северного диалекта означает не "позор", а "глубинную трансмутацию духа"», — скрипело перо. — "Гнойники" следует читать как "очищение кожных покровов через выход негативной кармы"...

Моя рука сама легла на дверной косяк. Этот человек был болен не только физически. У него была лихорадка чистого знания. Ему было плевать на боль, на стыд, на разодранную кожу — лишь бы спасти свою научную репутацию даже перед самим собой.

И тогда я решила нанести визит вежливости завтра днем. При полном параде.

Малый Зал Советов Магов Империи подавлял своим величием. Купол потолка изображал битву Света и Тьмы, причем Свет выглядел гораздо более упитанным и довольным жизнью. В центре зала, вокруг круглого стола из цельного куска обсидиана, сидели двенадцать фигур в плащах цвета полуночи. Совет Старших Магов. Те самые люди, которые решают, кому жить, а кому стать пепельницей для высших демонов.

Сегодня слушали доклад профессора Вейнберга. Тема: «Семантический сдвиг рунических основ после Войны Расколотого Неба». Звучит скучно? Так оно и задумывалось. Доклады профессора всегда служили отличным снотворным для тех, кто уже пережил свой век.

Элиас вышел к кафедре. Выглядел он ужасно. Под левым глазом налился роскошный фингал темно-лилового оттенка, который он тщетно пытался замазать толстым слоем пудры. Пудра лежала маской, собираясь в складках сведенных от боли бровей. Рукава его сюртука висели мешковиной — видимо, утренний пиджак тоже пострадал от ночного приступа расчесывания. Монокль держался на честном слове и пластыре.

Он откашлялся. Голос звучал надтреснуто.

— Господа магистры. Древние тексты часто неверно истолковываются нашими современниками ввиду отсутствия эмпатии к эпохе...

Я сидела в первом ряду гостевых кресел. Сегодня я играла роль восторженной дурочки-мещенатки. На мне было платье цвета молодой травы, расшитое золотыми пчелами, и шляпка с искусственным гнездом, из которого торчал механический соловей. Я громко вздохнула и прижала ладони к щекам, демонстрируя крайнюю степень восхищения интеллектом оратора.

— ...Руна «Каэль», которую профаны ошибочно трактуют как символ разрушения костного мозга, на самом деле является детерминативом высшей когнитивной функции, — вещал Элиас, водя длинной указкой по висящей в воздухе иллюзии светящегося знака. — В сочетании с модификатором «Тур» она образует устойчивый конструкт, означающий «Вечную Мудрость, дарованную свыше»...

Он ткнул указкой в центр руны. Указка прошла сквозь иллюзию, сбив фокус. Свечение мигнуло.

В ту же секунду воздух в зале загустел. Запахло паленой шерстью и дешевым вином. Лицо профессора внезапно побелело так, что стала видна голубая сетка вен на висках.

Его правая рука метнулась к воротнику. Он попытался сохранить лицо, продолжить фразу, но вместо этого издал странный квакающий звук. Ноги его подкосились. Чтобы не рухнуть лицом в кафедру, он вынужден был схватиться за нее обеими руками.

По залу прошел шорох. Маги любили эпилептические припадки коллег ровно настолько, насколько любят внезапные налоговые проверки.

— Простите... атмосферное давление... — прохрипел Элиас, не отрывая взгляда от руны. Его глаза остекленели. — Просто... невыносимый зуд... семантический диссонанс...

Он начал остервенело чесать шею. Затем плечо. Затем, потеряв всякий контроль, он задрал полу своего академического сюртука и впился ногтями в бок, издав протяжный, сладострастный стон облегчения.

Это было отвратительно. И абсолютно великолепно.

Совет зашевелился. Старый магистр слева от меня достал платочек и прикрыл им нижнюю часть лица, но плечи его тряслись. Молодой чародей справа откровенно заржал.

— Вечная Мудрость, говорите? — громко спросила я, вставая со своего места. Мой механический соловей в шляпке встрепенулся и исполнил первые два такта государственного гимна. — Прошу прощения, господа магистры, что прерываю столь глубокий научный диспут, но господин профессор допустил грубую ошибку в базовой лексике. Возможно, сказывается усталость.

Элиас замер. Одной рукой он все еще придерживал задранный сюртук, второй сжимал указку, как утопающий — соломинку. В его глазах плескалось чистое, незамутненное желание убить меня медленно, используя исключительно синтаксис.

— Что вы можете понимать в старо-языческой морфологии, баронесса? — выдавил он. — Сядьте. Ваша птичка действует мне на нервы.

— О, напротив, — улыбнулась я самой лучезарной из своих придворных улыбок. Той самой, от которой у моего отца в свое время начиналась изжога. — Руна «Каэль» в связке с «Тур» никогда не обозначала мудрость. В любом приличном учебнике этимологии, изданном лет сто назад, указано иное. «Каэль-Тур» — это идиома. Буквально: «Бревно, которое считает себя мачтой». Или, если адаптировать для столичного уха... «Напыщенная глупость».

Я подошла к кафедре. Иллюзия руны мерцала прямо перед моим лицом. Я протянула руку и небрежно щелкнула по ней пальцем. Магия рассыпалась искрами.

— Видите вот эту засечку сверху? — продолжала я, обращаясь теперь к Совету, игнорируя дымившегося от ярости профессора. — Она перечеркивает основной ствол. В северной традиции охоты это называется «метка слепого стрелка». Охотник промахнулся, но делает вид, что попал именно туда, куда целился. Вся эта конструкция читается как одно слово. И слово это — «Остолоп».

Зал взорвался. Нет, сначала была тишина. Та самая тяжелая, свинцовая тишина, которая наступает перед сходом лавины. А затем грянул смех. Не сдержанный смешок аристократов, а настоящий, громовой хохот тринадцати самых могущественных людей Империи. Они смеялись над главным экспертом по рунописи. Они показывали на него пальцами. Кто-то уронил посох.

Элиас отпустил сюртук. Он выпрямился во весь рост. Пудра посыпалась с его лица серыми хлопьями, обнажая красную, воспаленную кожу и вчерашний фонарь под глазом. Он смотрел на меня взглядом человека, подписывающего мой смертный приговор ржавым гвоздем.

— Вы... — прошипел он. — Вы заплатите за это. За публичное унижение. За вмешательство в научный процесс. Я сгною вас в казематах Тайной Канцелярии!

— Сначала переведите правильно хотя бы меню в столовой, интеллектual, — нежно пропела я и сделала реверанс, адресованный смеющемуся Совету. — Благодарю за внимание, господа магистры. Позвольте откланяться, у меня назначена примерка новых перчаток. Кажется, кожа там недостаточно тонкая, хочу проверить чувствительность.

Я развернулась и пошла к выходу под аккомпанемент возобновившихся смешков и гневного сопения за спиной.

Это была чистая победа. Я выставила главного стража императорского интеллекта полным дураком перед лицом его начальства. Теперь путь к архивам открыт. Обезьяна, лишившаяся уважения стаи, становится уязвимой. Завтра он сам принесет мне ключи от сундуков, лишь бы я ушла.

Библиотека встретила меня привычным запахом пыли и разочарования. Я знала, что он придет сюда. Люди типа Вейнберга не едят горе, запивая слезами. Они систематизируют его. Раскладывают по полочкам. Пытаются найти логическую причину собственного провала, отличную от той, где главная героиня просто оказалась умнее.

Я сидела за нашим общим столом в дальнем углу, методично сортируя счета за свечи. Когда двери в зал с грохотом распахнулись, я даже не подняла головы. Лишь переложила счет номер четыреста двенадцать из стопки «А» в стопку «Б».

Тяжелые шаги прогремели по мрамору. Элиас остановился рядом. От него пахло фиалковой водой, бессильной злобой и жженым волосом — видимо, пытался наложить на себя обезболивающее заклинание, но от стресса переборщил с мощностью потока.

— Встать, — сказал он тихо. Очень тихо. Тихий голос всегда опаснее крика.

Я неторопливо сняла правую перчатку. Положила ее рядом с чернильницей. Затем левую.

— Знаете, профессор, — начала я, поднимая на него взгляд. — Самое забавное в вашей профессии то, что вы верите в силу написанного слова больше, чем в силу удара. Вы думаете, если написать на стене «Огонь», стена согреется.

— Я думаю, что тебе самое место в каменоломнях, Сигрид, — процедил он. — Где-нибудь глубоко под землей, где твои ледяные мозги наконец-то приобретут комнатную температуру. Ты хоть понимаешь, что натворила? Я десять лет выстраивал систему допусков к этому архиву. Десять лет притворялся безвредным книжным червем, чтобы эти напыщенные индюки из Совета оставили меня в покое!

Вот оно. Маска трещала по швам. Передо мной больше не было жеманного профессора. Спина его больше не сутулилась. Он стоял ровно, расправив плечи, заполняя собой пространство между стеллажами. Взгляд желтых глаз за стеклами пенсне стал острым, как осколки обсидиана.

— Притворялись? — переспросила я, удобнее упираясь ногами в пол. — А мне показалось, вам понравилось быть центром внимания. Особенно когда чешетесь.

Это сработало лучше пощечины. Лицо Элиаса исказилось. Он выбросил руку вперед быстрым, смазанным движением. Тонкие пальцы сомкнулись на моем горле.

Сдавили.

Воздух кончился мгновенно. Боль в перетянутых ребрах вспыхнула белым пламенем. Инстинкт кричал: «Убей». Переломить шейные позвонки. Размозжить кадык.

Но убивать профессора Императорской библиотеки нельзя. Пока нельзя. Моя голова слегка кружилась от нехватки кислорода, но разум работал четко.

Я не стала хватать его за руки. Не стала бить ногами. Я просто позволила своему телу сделать то, для чего оно было создано.

Я расслабилась. Полностью. Весь вес моего тела, утяжеленного ненавистью и сталью костей, ушел вниз. Центр тяжести валькирии находится там, где у обычных людей заканчивается грудная клетка. Элиас, привыкший иметь дело со студиязусами и хрупкими дамами, не ожидал, что его жертва превратится в монолит весом в полтора центнера.

Он потерял равновесие. Мы повалились на стол. Посыпались свитки, чернила залили счета за свечи, латунная лампа упала на пол с оглушительным звоном.

Мы прокатились по дубовой столешнице, сметая письменные приборы. Оказавшись сверху, я перехватила его запястье. Одно движение большого пальца — и сустав профессора хрустнул, выворачиваясь из суставной сумки. Он вскрикнул, ослабляя хватку.

Я втянула воздух. Вкус победы всегда немного отдаст книжной пылью.

— Давайте проясним ситуацию, ученый муж, — сказала я, прижимая его к столу коленом. Платье затрещало по шву на спине, но выдержало. — Вы — хранитель тайн. Я — варвар с Севера. Вы считаете, что ваша наука дает вам власть надо мной. Заблуждение. Наука дает вам право описывать мир. Практика дает мне право менять его геометрию. Например, вашу лицевую.

Я размахнулась.

Удар латной рукавицей — это особый вид искусства. Железная пластина, усиленная зачарованной кожей горного тролля, не оставляет синяков. Синяки — это для утонченных салонных дуэлей. Латная рукавица дробит кости, превращает хрящи в кашу и навсегда меняет рельеф человеческого черепа.

Мой кулак пошел снизу вверх, по идеальной дуге. Целил я аккуратно — в скулу, чуть ниже глаза. Достаточно сильно, чтобы лопнули капилляры, но достаточно слабо, чтобы не выбить ему зубы раньше времени. Зубы могут пригодиться для допроса.

Хрясь.

Звук был мокрым, сочным и очень удовлетворительным. Голова профессора мотнулась в сторону. Из разбитой губы на подбородок плеснула кровь — густая, почти черная в свете луны, пробивающемся сквозь высокое окно библиотеки.

Элиас обмяк. Не от потери сознания — от осознания абсолютного поражения. Физическая боль отрезвляет таких людей быстрее нашатыря. Она возвращает их из мира формул в реальность, где есть мясо, кости и те, кто умеет их ломать.

— Вы будете делать то, что я скажу, — продолжила я, наклоняясь к самому его лицу. Кровь капнула мне на грудь, расплываясь темным пятном на сиреневом шелке. — Будете приносить мне свитки. Будете молчать о моем происхождении. А если ваш язык снова решит блеснуть остроумием в Совете, я покажу вам разницу между метафорическим гниением души и буквальным сепсисом. Ясно?

Он кивнул. Медленно, осторожно, стараясь лишний раз не двигать челюстью. В глазах за разбитым пенсне стояли слезы ярости.

— Прекрасно, — я встала, одергивая помятое платье. Попыталась поправить прическу, но шпильки давно вылетели, и волосы тяжелой льняной волной упали на плечи. Чистая валькирия грива. Приятно иногда сбросить овечью шкуру.

Я подобрала с пола одну из его книг. Протерла обложку краем рукава.

— Кстати, насчет перевода. Слово «Ит» в том контексте действительно могло читаться как «мудрость». Но только если читать его задом наперед и вверх ногами. Хорошего вечера, профессор. Закройте за собой дверь, сквозит.

Я вышла из библиотеки, оставив его сидеть на полу среди разбросанных бумаг, зажимающего разбитую скулу окровавленным платком.

Утром новость разнеслась по дворцу быстрее пожара. Главный интеллектual Империи, надежда Академии, оплот Логике и Рацио вошел в малую трапезную с таким украшением на лице, что дамы за столом дружно попадали в обморок. Левый глаз профессора полностью заплыл, превратившись в узкую щелочку. Скула представляла собой один сплошной фиолетово-багровый отек. Губы напоминали переваренные сосиски.

Императрица Изольда посмотрела на своего приемного сына, потом перевела взгляд на меня. Я стояла у колонны, скромно сложив руки под грудью, и с самым невинным видом обмахивалась веером.

Наши взгляды встретились. В ее змеиных глазах мелькнуло узнавание. Она поняла. Поняла, что тихая северная девочка с приклеенными ресницами сегодня ночью спустила с цепи зверя. И зверю понравилось гулять.

Императрица едва заметно приподняла уголки губ в одобрителной усмешке и вернулась к салфетке.

Профессор сел на свое место за столом, стараясь держать голову прямо. Есть он не мог — челюсти наверняка плохо смыкались. Он сидел, прямой как жердь, источая волны холодной ненависти, и методично крошил серебряной ложечкой круассан.

Рядом со мной Агата нервно теребила кружевной манжет.

— Госпожа, ваш левый глаз... он блестит как-то... кровожадно. И почему от вашего платья пахнет железом и мужской кровью? Надеюсь, вы не резали курицу прямо на юбке?

— Успокойся, Агата, — ответила я, делая глоток чая. — Это всего лишь побочные эффекты просвещения. Иногда, чтобы научить профессора грамматике, приходится исправлять ошибки красной ручкой. Желательно — железной.

Я смотрела на несчастного Элиаса. Пусть теперь вся столица шепчется, что он упал с лестницы или неудачно чихнул на статую. Мне плевать. Главное — печать на свитке с проклятием принадлежала ему. Значит, он знает, где Ключ. И теперь, благодаря моему педагогическому таланту и одной латной рукавице, мы начнем работать гораздо продуктивнее.

Глава 4. Тайные знаки

Империя — это огромный, сытый зверь. Днем он греется на солнце в Зеркальной галерее, лениво переваривая интриги и паштеты, а по ночам его нутро скрежещет шестеренками тайной стражи. Я же была блохой на шкуре этого зверя. Блохой с отличным зрением и скверным характером.

Первые два знака я заметила случайно.

Первый прятался за тяжелой портьерой в Малом танцевальном зале. Бархат там меняли раз в пять лет, поэтому пыль под ним лежала слоями, как геологические эпохи. Если бы не моя привычка проверять углы перед тем, как прислониться к стене (от старых боевых ран поясница реагирует на сквозняки ревматизмом), я бы никогда не обратила внимания на едва заметную царапину на дубовых панелях. Она выглядела как случайный след от ножен какого-то пьяного гвардейца. Но угол наклона был слишком выверенным. Слишком... руническим.

Я провела пальцем по бороздке. Дерево было холодным, но подушечки пальцев закололо слабым электрическим разрядом. Старая магия. Почти выдохшаяся, похожая на запах давно потухшего костра. Руна «Феху». В классическом имперском алфавите она означает богатство или золото. На Старой Рунике северных наемников — «Кровь за плату». А если перевернуть ее вверх ногами, что часто делали диверсанты Пустоши...

Я оглянулась. Зал был пуст. Только статуя обнаженной нимфы стыдливо прикрывалась мраморной рукой. Я достала из рукава крошечный кусочек воска, прижала его к панели и сняла слепок. Затем аккуратно затерла царапину ногтем, возвращая дереву вид небрежности.

Второй знак ждал меня в дамской комнате для переодевания. Он был выведен сажей на внутренней стороне медного зеркала, прямо над полочкой для пудры. Тонкая, почти паутинная линия. Руна «Райдо». Дорога. Или Путешествие. Или Бегство. Когда я попыталась стереть ее шелковым платком, сажа размазалась, оставив на стекле радужную пленку, какую дает только вытяжка из слюны василиска. Отличный закрепитель для магии: пока зеркало цело, знак работает.

— Вы трете стекло так, словно оно вам задолжало денег, — раздался сзади голос Агаты. Камеристка протирала флакончики с духами. Ее движения были резкими, раздраженными. После того случая с дымом из ушей она относилась ко мне как к неисправному механизму, который вот-вот снова начнет искрить.

— Изучаю несовершенства дворцового литья, — отозвалась я, поворачиваясь к свету. — Говорят, если долго смотреть в грязное зеркало, можно увидеть свое будущее. Мое выглядит... припудренным.

Агата фыркнула и вернулась к флаконам. Я смотрела на свое отражение. На меня глядела кукла. Идеальная кожа, нарисованные губы, глаза олененка. Под этой маской скрывались мозоли от рукояти топора и холодный расчет убийцы. И этот идеальный фасад сейчас отчаянно пытался сложить мозаику из двух букв.

«Феху» и «Райдо». Богатая дорога? Кровавый путь? Нет. Вместе они складывались в старую воровскую лигатуру. «Тихий выход с добычей».

Третий знак нашелся сам. Вернее, я нашла человека, который на него смотрел.

Это случилось на рассвете третьего дня. Я страдала бессонницей — проклятый корсет пережал диафрагму, и теперь мой желудок требовал еды каждые два часа, игнорируя придворный этикет. Спускаться в кухню было ниже моего достоинства, да и опасно — повара народ болтливый. Поэтому я совершала ночной моцион по галерее второго этажа, надеясь найти забытый кем-то графин с лимонадом.

В конце коридора, освещенного лишь тусклым дежурным огоньком ночника, стоял силуэт. Мужской. Узкие плечи, сутулая спина, знакомый парик съехал набекрень. Элиас Вейнберг.

Он стоял перед огромным гобеленом, изображающим победу Императора Севера над морскими демонами. Стоял уже очень долго, судя по тому, как затекла его поза. Профессор водил пальцем по воздуху, повторяя линии вышивки золотой нити, но смотрел он не на полотно. Он смотрел на каменный плинтус под гобеленом.

Я неслышно подошла ближе, ступая по мягкому ковру мягкими домашними туфлями.

На сером граните плинтуса кто-то процарапал свежий символ. Глубоко, до белого камня. Руна «Хагалаз». Град. Разрушение. Неизбежность.

Элиас вздрогнул, когда я остановилась рядом. Он резко обернулся, прижимая палец к губам. В лунном свете, падающем из высокого стрельчатого окна, его лицо казалось черепом, обтянутым пергаментом. Фонарь под глазом, полученный от моей рукавицы, переливался всеми оттенками индиго и зелени.

— Тише, дражайшая баронесса, — прошипел он одними губами. — Если Совет Магов узнает, что Главный Эксперт бродит по коридорам в нижнем белье и тапочках, моя репутация погибнет окончательно. Хотя куда уж дальше после вашего педагогического вмешательства.

— Ваша репутация выживет, профессор, — ответила я так же беззвучно. — У нее кости крепче, чем у вас. Что вы здесь делаете? Ждете, пока гобелен признается в государственной измене?

Он проигнорировал шпильку. Его взгляд метался между моим лицом и знаком на стене. Желтые глаза за стеклами пенсне лихорадочно блеснули. Научный азарт оказался сильнее разбитой челюсти.

— Вы их видите? — спросил он наконец. Голос звучал хрипло. — Все три?

— Четыре, — поправила я. — Один в Танцевальном зале, один в уборной, один на вашем столе в библиотеке. Вы нацарапали его на бюваре серебряным ножом для писем вчера ночью, когда думали, что я ушла спать. У вас дрожали руки.

Профессор сглотнул. Маска высокомерного сноба дала очередную трещину. Передо мной стоял просто напуганный, гениальный старик, загнанный в угол собственным интеллектом.

— Значит, северная кровь, — констатировал он. — Ваши предки грабили монастыри не только ради серебра, но и ради библиотек. Вы читаете Граффити Теней.

— Я называю это «метками идиотов», — я шагнула к плитке и коснулась свежей царапины. Камень под ней был теплым. — Это язык контрабандистов Пустоши. Примитивный, но эффективный. Хагалаз предупреждает о патруле. Райдо указывает направление обхода. Феху говорит, где лежит хабар. Кто-то превратил Императорский дворец в карту сокровищ, профессор. Вопрос лишь в том, чью именно могилу они собираются вскрыть.

Элиас шумно выдохнул через нос.

— Логика притянута за уши, Сигрид. За отсутствием у вас настоящих ушей, разумеется. Контрабандисты не пишат на стенах дворца. Дворец охраняется тремя кольцами антимагического поля. Ни одна руна не продержится здесь дольше пяти минут, разве что ее высекает архимаг десятого ранга. А таких в Империи трое, и двое из них сейчас храпят в своих постелях после моего доклада.

— Значит, тот третий — бодрствует, — пожала я плечами, отчего мои фальшивые бриллианты на шее тихо звякнули. — Или эти знаки ставит кто-то внутри защиты. Тот, у кого есть ключи от парадных дверей. Например, главный эксперт по рукописи, которому позволено входить в хранилища без сопровождения стражи.

Это был удар ниже пояса. Прямо по уровню нового синяка. Элиас побледнел еще сильнее, хотя секунду назад это казалось невозможным.

— Вы обвиняете меня в саботаже? — его голос стал опасно тихим. — После того как я вытащил вашу неотесанную персону из казематов Тайной Канцелярии, представив Совету как свою дальнюю родственницу со слабоумием?

— О, родство несомненно, — улыбнулась я. — Особенно заметно по форме черепа. Но давайте к делу. Зачем вы пришли сюда ночью? Искать знаки или оставить новый?

Он молча ткнул длинным пальцем в центр «Хагалаза».

— Я пришел проверить гипотезу. Эти символы... они живые. Они растут. Посмотрите внимательно. Видите микротрещины вокруг? Камень разрушается изнутри. Это не просто царапины. Это формула распада.

Я прищурилась. Действительно, от центра руны расходилась тонкая сетка белых нитей, напоминающая морозный узор на стекле. Гранит буквально превращался в песок под воздействием начертанного символа.

— Рунный Ключ, — вдруг севшим голосом произнес Элиас. — Ваш отцовский артефакт. Дары Хеймдаллира всегда имели двойное дно. Светлый бог любит шутить. Ключ может заморозить океан, но активированная матрица Ключа способна запустить цепную реакцию энтропии в любом замкнутом пространстве. Золотой Дворец — идеальное замкнутое пространство.

— Хотите сказать, отец проиграл не просто красивую стекляшку? — я почувствовала, как вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок. Настоящий, северный, пахнущий близкой смертью. — Мы держим дома конец света?

— Вы держите спусковой крючок, — кивнул профессор. — А кто-то методично рисует траекторию полета пули. Знаки ведут вниз. В подвалы. К старой системе термальных ключей, на которых стоит фундамент дворца. Если дестабилизировать нагрев воды под восточным крылом...

— Вся императорская купальня провалится прямо в кипящий ад вместе с императрицей, — закончила я. — Изольда любит принимать ванны с маслами ровно в полночь. Очень мило со стороны заговорщиков выбрать такое время. Романтично.

Элиас посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Так патологоанатом смотрит на интересный образец опухоли.

— Вы чудовище, Сигрид. Ваше чувство юмора анатомически отвратительно.

— Спасибо, профессор. Я тоже вас люблю. Итак, что мы имеем? Пропажу древнего артефакта нестабильного действия, серию ритуальных граффити, которые растворяют камень, и политическую необходимость свалить все это на Север. Ведь кому выгодно падение Императрицы? Наместникам Холодного Перешейка. Моему брату Свену, например. Удобно.

— Слишком удобно, — согласился Элиас. Он потер подбородок и поморщился от боли в челюсти. — Если бы ваш отец действительно хотел уничтожить столицу, он бы не ставил Ключ на кон в игре в кости. Ярл Торбьорн может быть пьяницей и картежником, но стратегическая глупость лечится только гильотиной, а он все еще дышит. Ключ украли. А знаки... знаки могут быть ловушкой. Нас пытаются направить по ложному следу. Завтра в полдень состоится малый королевский совет. Будет обсуждаться вопрос усиления мер безопасности. Если знаки указывают на подвал, значит, истинная цель находится выше. Возможно, прямо в тронном зале.

— Либо нас хотят выгнать из библиотеки, чтобы порыться в наших вещах, — возразила я. — Кстати, о вещах. Тот свиток с проклятием чесотки. Чернила. Вы использовали редкий сорт южного сепия, смешанный с кровью саламандры. Такие чернила продаются только в одной лавке в портовом квартале. Лавка старого Хорхе-Одноглазого.

Элиас замер. Его пальцы, теребившие воротник халата, остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.